

ГАЛИНА
Копоскова

ИЗМЕНА

Формула

ПРЕДАТЕЛЪСТВА

Галина Колоскова

Измена. Формула предательства

«Автор»

2026

Колоскова Г.

Измена. Формула предательства / Г. Колоскова — «Автор», 2026

— Посмотри на себя! — голос мужа рвёт тишину, это не крик, а рычание, полное гадливости. Он даже не пытается прикрыть Юлю. Наоборот, выставляет её вперёд, как живой щит, как оправдание. — Стоишь тут с выпученными глазами, как бегемот! Когда ты смотрелась в зеркало в последний раз? Каждое слово — удар по рёбрам тупым ножом. Медленно, с хрустом. — Все нормальные беременные — как огурчики! Подтянутые, ухоженные! А ты? Жуёшь день и ночь, раздулась, как шар! Я в хлеву живу, понимаешь? С сисястой коровой! Мне противно на тебя смотреть! Он с брезгливостью говорит о моём теле. О теле, которое в этот самый момент, укрывает и кормит его ребёнка. Высказывает всё с таким отвращением, что я чувствую себя не женщиной, а — биомассой. Уродливым, раздутым существом, посмевающим встать на пути его счастья с моей лучшей подругой. Юля плачет, уткнувшись лицом в его плечо. «Прости, Инна мы не хотели но не смогли бороться с чувствами»

© Колоскова Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Галина Колоскова

Измена. Формула предательства

Глава 1

Я держу в руках пластиковую полоску с двумя чёрточками.

Маленькая вещь на ладони переворачивает, меняет мой привычный мир. Весь расписанный по минутам график. Весь наш с Антоном пятилетний план.

Тело уже месяц даёт подсказки. Непрекращающаяся тошнота по утрам, особенно когда чищу зубы. Дикая усталость, внезапно накрывающая в три часа дня, прямо посреди анализа хроматограммы в лаборатории. Необъяснимая чувствительность к запахам — теперь даже дорогой кофе Антона пахнет для меня жжёной резиной.

Раньше всё это можно было списать на стресс, на аврал на работе, на сезонную хандру. Теперь — нельзя.

Две чёткие, ярко-синие полосы. Физическое, неоспоримое доказательство.

Я сижу на краю ортопедического матраса, который мы выбирали вместе, споря о жёсткости. Спальня в просторной квартире ЖК «Серебряный бор» залита утренним светом. Всё здесь — дизайнерское, выверенное, дорогое. Ровно та жизнь, к которой мы с Антоном упорно шли десять лет. Сначала я — аспиранткой в НИИ синтетических материалов, он — начинающим риелтором. Потом я — младшим научным сотрудником с первым патентом, он — специалистом по элитной недвижимости. Теперь я веду свою исследовательскую группу по созданию биосовместимых полимеров, а он — владелец агентства, продающего пентхаусы с видом на Москву-реку.

Наш мир — это баланс. Точный, хрупкий баланс двух амбиций. Наши обсуждения за ужином — не шаблонное: «Дорогой, как прошёл день», а сводки с фронтов: мои прорывы и тупики в формуле, его сложные клиенты и многоходовые сделки. Мы гордились друг другом. Он хвастался перед друзьями: «Жена у меня не только красавица — она умница, учёный!» Я ловила восхищённые взгляды, надевая вечерние платья на его корпоративы. Мы были идеальной парой с картинки.

И в том идеальном мире не было места ребёнку. Вернее, место было — где-то там, в отдалённом, размытом будущем. «Лет через пять, Иннок, как встанем крепко на ноги. Закроем ипотеку на эту квартиру, я выйду на федеральный уровень, ты защитишь докторскую... Тогда и подумаем».

Я кладу тест на тумбочку из тёмного дуба. Руки дрожат. Во рту пересохло.

Не чувствую радости. Ощущаю ледяной, всепроникающий ужас. Он стучится в виски, сжимает горло. Что я скажу Антону?

Я беру телефон. Имя мужа в списке контактов — «Антон». Сердечко кажется сейчас издевательством. Набираю номер. Палец скользит по цифрам. Звонок.

Он принимает вызов сразу. На фоне — гул голосов, звон фужеров. У него презентация нового объекта.

— Инна, я на важной встрече. Всё хорошо?

— Антон, мне нужно... Мне нужно тебе сказать.

— Говори быстро, дорогая. Тут клиент из Дубая наклёвывается.

Выговариваю, сомневаясь, что потом хватит смелости.

— Я... Я беременна.

Тишина. Не просто пауза. Глухая, тяжёлая, всепоглощающая тишина, в которой гул корпоратива кажется далёким эхом. Она длится целую вечность.

— Ты уверена? — Его голос становится плоским, без эмоций. Как у робота.

— Да. Сделала тест. Две полоски.

— Чёрт... — Это не восклицание. Это — стон обречённости. — Инна, мы же говорили. Сейчас не время. У тебя грантовая заявка на носу, я в процессе сделки на тридцать миллионов... Ипотека, командировки... Это катастрофа!

Катастрофа... Так он называет нашего ребёнка.

— Но... это уже случилось. Мы не планировали, но...

— Сказать «но», не сказать ничего! — громкий голос режет слух даже на расстоянии, в нём прорывается раздражение, которое он, видимо, сдерживал перед клиентом. — Ты взрослая женщина, учёный, блин! Как можно было так проколоться? Мы обсуждали эту тему множество раз!

Меня будто бьют по лицу. Сердце сжимается. Я не «прокололась». Ребёнок не лабораторная ошибка. Это жизнь.

— Я не знаю, как так вышло... — лепечу, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Глупая, беспомощная. — Сделаю ещё один тест, но уверена, результат будет тем же.

— Ладно... — Он тяжело вздыхает. Звук похож на спуск пара. — Раз уж так вышло. Ничего не поделаешь.

Он говорит не как счастливый муж, узнавший, что станет отцом. Голос стратега, признающего поражение на одном из фронтов. «Раз уж так вышло». Не поддержка — капитуляция. Вынужденное признание факта, с которым теперь придётся сосуществовать.

— Я приеду поздно. Не жди. У меня сложные переговоры. Не хочу просрать сделку. В отличие от тебя, я работаю на благополучие семьи.

— Хорошо, — шепчу, чувствуя себя виноватой.

Он сбрасывает вызов.

Я продолжаю сидеть в нашей идеальной спальне и смотрю на идеальную жизнь, запечатанную под стеклом фотографий, которая только что дала глубокую трещину. От «катастрофы» до «раз уж так вышло» — дистанция в одно предложение. И на этой дистанции сгорело что-то важное. То, без чего наше здание из амбиций и дизайнерского ремонта начинает казаться мне бутафорией.

Я кладу руку на ещё плоский живот. Там тихо. Никаких признаков. Но я знаю — он или она уже там. Крошечная точка, успевшая за несколько минут перевернуть всё.

Антон приезжает за полночь. От него пахнет дорогим виски, шлейфом чужих духов и сигарет, как всегда после корпоративов. Он раздевается, не глядя на меня, бросает пиджак на стул.

— Ну что, подтвердилось твоё... открытие? — спрашивает он, и в слове «открытие» слышится та же язвительность, что и в «катастрофе».

Бросаю приговором:

— Да.

— Поздравляю, — самое пустое, самое мёртвое «поздравляю», что я слышала в жизни. Он проходит в ванную. Дверь закрывается.

Так начинаются наши новые будни.

Сначала — холодная вежливость. Он спрашивает о самочувствии, словно о прогнозе погоды. «Ну как, тебя ещё мутит?» Ответ «да» вызывает на его лице лёгкую гримасу. Ответ «нет» — кивок, и он сразу переходит к обсуждению цен на квадратный метр в районе Рублёвки.

Постепенно его взгляды в мою сторону начинают меняться. Раньше он смотрел на меня как на женщину. Иногда — с желанием, чаще — с одобрением, как на удачное приобретение, хорошо вписывающееся в интерьер его жизни.

Теперь его взгляд — оценивающий. Холодный. Как будто я — объект недвижимости, неожиданно начавший терять в цене.

Моё тело меняется. Грудь становится чувствительнее, тяжелее. Я отказываюсь от узких деловых юбок в пользу мягких брюк. И начинаю есть. Не от жадности. Оттого, что тошнота отступает, и организм требует энергию для строительства нового человека.

— Опять ешь? — раздаётся его голос, когда я вечером режу яблоко и кусочек морковки. Он стоит в дверях кухни, смотрит на меня с недовольством.

— Я проголодалась.

— Ты постоянно голодная! — Вот теперь в его голосе появляется плохо скрываемое раздражение. — Уже и щёки округлились. Смотри, не распустишься совсем!

Слово «распустишься» повисает в воздухе, липкое и неприятное как плесень.

Я молчу. Проглатываю кусок вместе с обидой.

На следующей неделе он приносит глянцевого журнала. Раскрывает на странице, где счастливая беременная знаменитость в облегающем платье позирует на красной дорожке.

— Вот, посмотри. Вот как нужно выглядеть. Аккуратно, стильно. А не ходить в мешках и жевать без остановки.

Я смотрю на фотографию. На улыбающуюся женщину с идеальным макияжем и крошечным, аккуратным животиком, а потом на своё отражение в тёмном окне. На бледное лицо, на растрёпанные волосы, на свитер, очень мягкий, удобный, но действительно сидящий на мне мешковато.

— Она звезда на четвёртом месяце, — отвечаю чуть слышно. — У неё трое диетологов и стилист. А я — обыкновенный учёный. И внутри меня растёт наш с тобой ребёнок.

— Не надо истерик, — отмахивается он. — Я показываю тебе реальный пример для подражания. В твоём положении особенно важно не запускать себя.

«В твоём положении». Раньше это звучало бы как забота, теперь как диагноз. Словно ставит клеймо.

Я возвращаюсь в лабораторию. Мои формулы, мой полимер — единственное, что остаётся от меня прежней. Той, которой гордились. Я погружаюсь в расчёты, в эксперименты. Здесь я ещё всё контролирую. Здесь я — доктор химических наук Инна Соколова, а не «беременная жена», которая «распустилась».

Но даже тут меня порой настигают «неприятности». На совещании у начальника отдела меня внезапно накрывает волна слабости. Я бледнею, опираюсь о стол.

— Инна, тебе плохо? — коллеги смотрят с беспокойством.

— Всё в порядке, — я делаю глоток воды. — Просто... устала.

Я вижу, как начальник отдела, пожилой академик, качает головой.

— Тебе бы, Инна, взять больничный. Поберечь себя... и будущего учёного, — он улыбается, но в его глазах беспокойство. Он видит моё состояние, видит, как я держусь из последних сил. И я знаю, что он прав, но...если выпадут из гонки сейчас, проект отдадут другому. А это — моя единственная финансовая надежда, если...

Даже мысленно боюсь договаривать подозрения. Но они уже здесь. Тихо шевелятся на задворках сознания, вместе с растущим страхом и двумя полосками на тесте, который до сих пор храню в дальнем углу комода.

Словно это не доказательство новой жизни, а улика. Улика против меня.

Глава 2

Мой мир постепенно съедается. Он больше не простирается от зала заседаний РАН до панорамных окон нашего лофта. Теперь он — прямая линия между лабораторным столом в старом здании на Ленинском проспекте и краем дивана в «Серебряном бору». Две точки. Всё, что между ними — размыто, как в дурном сне.

Токсикоз не отступает. Он меняет форму. Теперь это не утренняя тошнота, а постоянный, фоновый дискомфорт. Как морская болезнь на тихой воде. Запах химреактивов в лаборатории вызывает спазмы. Я работаю в респираторе, и коллеги смотрят на меня с жалостью. Жалость — это последнее, чего я хотела.

Моё тело больше не принадлежит мне. Оно живёт по своим законам. Я упорно набираю вес. Не потому что объедаюсь. Потому что каждый грамм — это кирпичик в стене, за которой прячется наше дитя. Но Антон видит не стену, а сломанные контуры.

Однажды вечером он приносит уже стопку глянцевого журналов. «Гламур», «Cosmopolitan», «Hello!». Раскрывает их на закладках.

— Посмотри, Инна. Внимательно посмотри!

На страницах — сияющие женщины. У них гладкие волосы, безупречный макияж, каблуки и обтягивающие платья, подчёркивающие аккуратные, будто приклеенные, животики. Они смеются, держась за руки с такими же сияющими мужьями. Подписи: «Стильная мама: как оставаться на высоте!», «Беременность — не болезнь, а новый этап гламура!».

— Вот как надо, — заявляет Антон, тыча пальцем в фотографию голливудской актрисы. — Видишь? Никаких мешков на теле, никаких отёков. Спорт, диета, самодисциплина. А ты... — его взгляд скользит по моей просторной футболке и мягким леггинсам. — Ты распустилась, Инна! Совсем.

Слово «распустилась» падает между нами, как разбитая чашка. Острые осколки впиваются в кожу.

— Я не распустилась, — пытаюсь сказать спокойно, но голос предательски дрожит. — Я вынашиваю ребёнка. Мой организм работает за двоих. Это физиология.

— Физиология — не оправдание обжорству и лени! — отрезает он. — Знаешь, что мне сказал сегодня клиент? Увидел твоё фото у меня в телефоне, и не сказал — «Вау!» как раньше, а диагностировал: «Что-то она поправилась». Мне было стыдно за тебя, Инна. Стыдно!

Он не «играет», говорит это с искренней болью, словно я совершила преступление. Испортила его безупречную витрину. И в этот момент я понимаю — дело не в моём здоровье. Дело в том, что я перестала вписываться в картину его успеха. Я стала браком.

Через неделю происходит то, после чего что-то внутри меня ломается окончательно.

У меня дикий, волчий голод. Такое бывает — организм требует конкретных микроэлементов. Сегодня он требует гречки с котлетой. Я готовлю, ем за кухонным островом. Антон работает за ноутбуком в гостиной.

Я доедаю первую малюсенькую порцию, мечтая остановиться на ней, но накладываю вторую, потому что хочется ещё. Не от того, что это вкусно, а потому что не могу остановиться.

— Ты серьёзно? — Жёсткий голос звучит у меня за спиной. Я не слышала, как Антон подошёл.

Я оборачиваюсь. Он стоит, скрестив руки, и смотрит на мою тарелку с таким отвращением, будто там не гречка, а что-то неопишимо мерзкое.

— Что?

— Вторую порцию. Ты действительно собираешься это всё съесть?

Оправдываюсь заикаясь:

— Я... я голодная.

— Ты постоянно голодная! — его голос срывается на крик. — Ты хоть иногда смотришь на себя в зеркало? Видишь, во что превращаешься? Ты стала настоящей коровой!

Воздух выходит из лёгких.словно меня ударили в солнечное сплетение.

Корова?..

Слово висит в стерильном воздухе нашей кухни, тяжёлое, уродливое, невозможное.

Я смотрю на мужа. Вижу его раздутые ноздри, презрительную складку возле губ. Он не шутит. Он действительно так видит женщину, вынашивающую его ребёнка. Скотиной, существом, которое только жрёт и толстеет.

Не могу ответить. Комок в горле такой огромный, что не пропускает ни звука. Я встаю, отставляю тарелку, иду в ванную. Запираюсь и плачу. Тихо, в полотенце, чтобы он не услышал. Потом поднимаю голову и смотрю в зеркало.

Заплаканное, опухшее лицо. Волосы всклокочены пальцами. А тело... Да, оно изменилось. Грудь тяжелее, талия сгладилась, бёдра округлились. Я вижу не «корову», а женщину, которая делает самую сложную работу на свете. Но его слова отравили и этот взгляд. Теперь я выискиваю в теле изъяны. Нахожу. Ненавижу. Но голод от этого не проходит...

Звонок в дверь. Я быстро умываюсь, вытираю следы слёз. Открываю.

На пороге — моя Юлька. Подруга со школьной скамьи, с которой мы прошли через всё: первые проколотые уши, проваленные экзамены, мою свадьбу и её бесконечные романы. У Юли всегда был вкус к яркому, к дорогому, к красивому. Она работает стилистом, и её жизнь — это бесконечный карнавал.

— Привет, беременяшка! — она влетает в прихожую, сверкая идеальной улыбкой и приносит с собой запах дорогих духов и свежей выпечки. — Я тебе любимых круассанов привезла! От лучшей кондитерской!

Она замечает моё лицо и лучезарная улыбка моментально гаснет.

— Инна, что случилось? Опять тошнит?

— Нет, — качаю головой, заставляя себя улыбнуться. — Всё нормально. Просто устала.

— А где Его Величество? — она бросает взгляд в сторону гостиной.

— Работает.

Юля ведёт меня на кухню, разворачивает круассаны, ставит чайник. Она болтает о своих делах, о новом клиенте-олигархе, о платье, которое увидела в бутике. Её энергия, лёгкость — как глоток чистого воздуха в моём, ставшем затхлым, мире.

Антон выходит из кабинета. Увидев Юлю меняется. Раздражение уходит, появляется... оживлённость.

— Юль, привет. Опять мою бедную жену углеводами травишь? — в его тоне — лёгкий, почти флиртующий подтекст.

— Ага, чтобы она хоть немного на живую стала похожа! — смеётся Юля. — А то ты, я смотрю, её в аскеты записал.

Они перебрасываются шутками. Тонкими, быстрыми. Юля смеётся, запрокидывая голову, касается его руки, рассказывая анекдот. Антон улыбается. По-настоящему. Так, как уже давно не улыбался мне.

Я сижу и смотрю на двух красивых, ухоженных, счастливых людей. И чувствую себя огромным, неповоротливым чудовищем, случайно забредшим на их вечеринку.

— Ладно, оставим вас, — наконец говорит Антон, снова становясь серьёзным. — Инна, не забудь, завтра к гинекологу. Записал тебя на десять. Юль, не задерживай её, ей надо отдыхать за двоих.

Он уходит. Юля поворачивается ко мне. Красивое лицо становится мягким, сочувствующим.

— Не обращай внимания. Он просто... не справляется. Боится. Мужчины они как дети — если сталкиваются с чем-то серьёзным, начинают вредничать или сбегают. Он привык видеть

тебя тонкую, звонкую, с вечной улыбкой, а теперь... — она замолкает, бегло окинув меня взглядом, а потом машет рукой. — Переживёт. Родится малыш, приведёшь себя к прежним формам — он очухается, станет самым примерным папашей...

Она говорит это так убеждённо, что хочется верить — мои опасения всего лишь страх. Что под скорлупой раздражения и злости всё ещё тот Антон, что гордился мной.

С этого дня Юля начинает приходить чаще. Говорит, что мне нужна помощь, раз муж весь в работе. Она приносит еду («Полезную!»), помогает разобрать шкаф, освобождая место для детских вещей. И всё чаще, когда она здесь, Антон возвращается домой раньше. Или не уезжает, если она пришла утром.

Они болтают. Об искусстве, о путешествиях, о последних тенденциях. Юля говорит на его языке — языке денег, статуса, красивой жизни. Я сижу молча. Мой язык сейчас — это язык молекулярных формул и усталости. Он не для светских бесед.

Однажды я засыпаю на диване под звуки их смеха на кухне. Просыпаюсь через час. Смех затих. Я встаю, иду на кухню за водой. Они стоят у окна, спиной ко мне. Он что-то говорит ей шёпотом. Она слушает, склонив голову набок, и улыбается очень знакомой, интимной улыбкой.

Ледяная волна пробегает по позвоночнику. Отгоняю дурные мысли.

Нет. Не может быть! Это Юля. Моя подруга! Она просто помогает.

Я отступаю в темноту коридора, не выдавая своего присутствия. Возвращаюсь в спальню, ложусь, смотрю в потолок.

Это гормоны. Усталость. Паранойя. Он раздражён, он злой, но он не... А Юля... Она видит, через что я прохожу. Она не может.

Я закрываю глаза и пытаюсь загнать обратно тёмное, липкое подозрение. Оно не уходит. Оно уже здесь. Маленький, ядовитый зверёк, который поселился у меня в груди и тихо шепчет: «Проснись. Ты уже всё потеряла. Только ещё не знаешь об этом».

Глава 3

На экране УЗИ я вижу, как он сосёт пальчик, переворачивается. Маленькое сердце сына бьётся чётко и быстро, как крошечный моторчик жизни. Врач, пожилая женщина, улыбается мне впервые за все визиты.

— Всё идеально. Размеры соответствуют сроку. Сердцебиение отличное. Здоровый, крепкий малыш. Можете расслабиться.

«Расслабиться». Слово падает на меня, как благословение. Гора страхов, что копилась месяцами — о вреде стресса, о моей усталости, о словах Антона, которые я глотаю, как яд — вся эта гора на секунду рассыпается в прах. Всё хорошо. С ним всё хорошо. Я всё выдержу! Выдюжу.

Выхожу из консультации на солнце. Держу в руках термобумагу с чёрно-белым изображением. Воздух кажется другим — лёгким, наполненным не городской пылью, а надеждой. Я иду в кондитерскую, откуда Юлия привозит круассаны. Беру торт, который Антон обожает. Сегодня — праздник. Сегодня я скажу ему не о проблемах, не о деньгах, не о своей усталости. Я покажу ему эту фотографию с лицом его сына. Скажу: «Смотри. Наш сын здоров». Может, это сломит лёд, образовавшийся между нами. Он увидит не «корову», а мать своего ребёнка. Может быть...

Еду в такси, прижимаю снимок к груди, как талисман. Наш белый флаг.

Ключ поворачивается в замке квартиры слишком легко. Тишина. Странная, густая тишина. В прихожей валяется сумка Юли — ярко-красная, дизайнерская. Рядом — туфли Антона, сброшенные не на подставку, а посреди холла.

Из спальни доносятся звуки. Не сразу понимаю, что это. Смех. Её смех — серебристый, заразительный, которым обычно заливаются над шутками Антона. И его смех — низкий, довольный, расслабленный, которого я не слышала... кажется, целую вечность.

Замираю в холле на ватных ногах. Коробка с тортом выскальзывает из рук, падает на паркет с глухим, мягким стуком. Никто не слышит.

Подаюсь вперёд. Делаю несколько шагов, потом ещё несколько. Двигаюсь на голоса. Вновь замираю. В этот раз перед приоткрытой дверью в спальню.

Я вижу краем глаза смятую шёлковую подушку, сброшенную на мой халат, кровавым пятном распластанный на полу.

Они на нашей кровати. Он полусидит, обнажённый по пояс. Юлия — в его объятиях. Локоны рыжих волос разметались по подушкам. Она что-то шепчет ему на ухо, смеётся. Антон улыбается. Не напряжённой, вымученной улыбкой, которую дарит мне, а беззаботной, счастливой.

Мир распадается на атомы. Каждый атом — кусок моей прежней жизни. Наша дружба, его клятвы, моя доверчивость, наш ребёнок под сердцем — всё разлетается в бешеном, неудержимом вихре. Остаётся только картинка двух голых тел. Чёткая, ясная, выжженная на сетчатке.

Они замечают меня не сразу. Смех Юли обрывается. Она втягивает голову в плечи, инстинктивно тянется за одеялом, но не для того, чтобы прикрыться. Чтобы отгородиться. От меня.

Антон поворачивает голову. И на его лице нет ни ужаса, ни паники, ни даже стыда. Только раздражение. Глубокое, искреннее раздражение, как если бы его отвлекли от важного дела.

— Инна, — произносит он моё имя. Не «дорогая», не «любимая». Просто — Инна. Как называют сотрудника, который явился не вовремя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.